

1
98

Г. В. ПЛЕХАНОВ

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В. Г. Белинский

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЛР

Инвент. №

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

12/14

О книге С. Ашевского

(С. Ашевский «Белинский в оценке его современников». — С.П.Б. 1911 г., стр. VII + 323).

В ожидании юбилея В. Г. Белинского, г. С. Ашевский написал интересную книгу, в которой собраны отзывы современников о нашем великом критике. Получилось нечто весьма поучительное. До такой степени поучительное, что сам г. С. Ашевский оказался не в состоянии вывести из своей книги всю ту «мораль», которая в ней заключается. Тем с большим вниманием должны отнестись к его интересной книге читатели, которых у нее будет, я надеюсь, много, очень много.

В. Г. Белинский принадлежал к числу тех людей, которых надо или горячо любить, или жестоко ненавидеть. И его, в самом деле, одни жестоко ненавидели, а другие горячо любили. Сначала у него было гораздо больше врагов и порицателей, чем друзей и поклонников, а потом, наоборот, — друзей и поклонников оказалось гораздо больше, нежели порицателей и врагов. В октябре 1856 г. И. С. Аксаков, который совсем не сочувствовал Белинскому, писал своим родителям: «Имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, которые бы не знали наизусть письма Белинского к Гоголю... «Мы Белинскому обязаны своим спасением», говорят мне везде молодые честные люди в провинциях... Если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастиям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, — ищите

таковых в провинции между последователями Белинского». (Стр. 66—67). Это, конечно, очень лестная для Белинского характеристика, так как показывает, что в последние годы своей деятельности он имел на своей стороне всех мыслящих и честных людей молодого поколения. В книге г. С. Ашевского можно найти много доказательств того, что в словах И. С. Аксакова не было преувеличения. Де-Пуле, учившийся в харьковском университете, говорит в своей книге о Кольцове, что «Отечественные Записки» той эпохи, когда в них сотрудничал Белинский, с жадностью читались учащейся молодежью. Н. Н. Булич, учившийся в казанском университете, сообщает, что каждая книжка «Отеч. Записок» ожидалась студентами с нетерпением, и что «тогдашний студент, после бесцветных, скучных по своей риторике или по очевидным уступкам господствующей действительности лекций, с страстным молодым трепетом погружался в чтение новой статьи критика, казавшейся откровением. Горячие слова наполняли душу честными стремлениями, звали к честной деятельности» (стр. 318). Воспитанник училища правоведения, В. В. Стасов, пишет: «Белинский был решительно нашим настоящим воспитателем. Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский со своими ежемесячными статьями. Мы в этом не различались от остальной России того времени. Громадное значение Белинского относилось, конечно, никак не до одной литературной части: он прочищал всем нам глаза, он воспитывал характеры, он рубил, рукою силача, патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия. Он издали приготавливал то здоровое и могучее интеллектуальное движение, которое окрепло и поднялось четверть века позже. Мы все — прямые его воспитанники» (319). Но влияние Белинского не ограничивалось учебными заведениями. Панаев рассказывает, что в 1845 г. ему пришлось ехать в почтовой карете из Нижнего в Казань вместе с одним сибирским купцом, который оказался внимательным читателем журналов. На вопрос Панаева, какой журнал больше всего у них читался, купец ответил, что «Отечественные Записки», а на вопрос, почему же именно они, он возразил: «Как почему?»

очень понятно: потому что в нем участвует Белинский. Его статьи у нас читаются всеми с жадностью». — «Да каким же образом вы отличаете его статьи? Ведь он никогда не подписывает своего имени». «Птица видна, сударь, по полету, говорит пословица. Он хотя и не печатает своего имени, а имя его у нас знают все грамотные люди» (стр. 316—317). Г. С. Ашевский замечает, что в словах: «все грамотные люди» заключается очевидное преувеличение (317). Конечно. В конце 40-х гг. нападения на Белинского не прекратились, а они шли из таких лагерей, к которым принадлежали далеко не одни *безграмотные* люди. Но сам же г. С. Ашевский приводит свидетельство о том, что во время путешествия Белинского со Щепкиным по югу России, в 1846 г., его восторженно встречали представители самых различных общественных слоев. «Тут были и чиновники вроде товарища председателя уголовной палаты Серова, известного композитора, который часто посещал Белинского в Симферополе, — и врачи вроде симферопольского доктора Арендта (брата известного лейб-медика), который не хотел слышать ни о каком гонораре от Белинского, пользовавшегося его услугами, — и военные вроде полковника Попова в Одессе, и черноморские моряки в Николаеве и Севастополе, наконец, харьковские дамы, рвавшие на клочки афиши, бывшие в руках Белинского, не говоря уже о харьковских студентах... и т. д. (стр. 316). Большая популярность едва ли и возможна была тогда, когда рабочий класс еще не выступал на русскую историческую сцену. Белинский сам сознавал, что его популярность очень велика. «Не знаю, что будет вперед, — писал он Герцену 6 апреля 1846 года, — а пока я просто изумлен тем, как имя мое везде известно, и в каком оно почете у российской публики: этого мне и во сне не снилось» (316). Нечего и говорить, что его изумление принадлежало к числу очень приятных. Но как человек не только чрезвычайно умный, а прямо гениальный, он должен был, по крайней мере, по временам, с некоторым беспокойством спрашивать себя: да хорошо ли понимают меня те, которые мне так горячо рукоплещут. К сожалению, мы, с своей стороны, вынуждены отвечать на этот «проклятый вопрос» в довольно безотрадном тоне: Белинского плохо понимали его

поклонники при его жизни; большинство из них плохо понимало его после его смерти, и, наконец, едва ли не такое же большинство их продолжает плохо понимать его теперь. Его чрезвычайно охотно признавали и признают «великим сердцем». А когда зайдет речь об его уме, то тут в голосе его горячих хвалителей начинает слышаться неуверенность. Наконец, когда к нему прилагается, — это тоже иногда бывает, — эпитет «гениальный», тогда хвалители оказываются, обыкновенно, скептиками — правда, благожелательными, но, все-таки, скептиками. За примером недалеко ходить. К числу благожелательных скептиков принадлежит сам г. С. Ашевский. Вот заключительные строки его книги:

«После Чернышевского называли Белинского гениальным человеком или гениальным критиком Добролюбов, Писарев, Михайловский и целый ряд других писателей. В настоящее время признание Белинского гениальным критиком можно встретить и в статьях патентованных ученых, и в учебниках, предназначенных для средней школы. А по мнению г. Плеханова, Белинский не только гениальный человек и гениальный критик, но и «гениальный социолог». Как бы ни был решен в будущем вопрос о гениальности Белинского, уже в настоящее время несомненно, что потомство ценит и всегда будет ценить величайшего русского критика гораздо выше, чем даже наиболее восторженные его почитатели из среды его современников» (стр. 320).

Здесь надо, прежде всего, заметить, что иное дело признание Белинского гениальным человеком, а иное дело признание его гениальным критиком. Н. Михайловский совсем невысоко ценил работу философской мысли Белинского. Больше того; он отрицательно относился к самым глубоким проявлениям этой мысли. А между тем он признавал его гениальным критиком. Почему? Потому что, когда говорят: «гениальный критик», то тем самым вовсе еще не говорят: «гениальный мыслитель». При разборе художественных произведений *чутье* нередко выручает писателя там, где ему изменяет *ум*. Стало быть, гениальным критиком может явиться даже человек, совсем не обладающий гениальным умом. И необходимо строго различать отношение к Белинскому Чернышевского, с одной стороны, и Михайловского — с дру-

гой. Для этого последнего он был именно только гениальным критиком, между тем как Чернышевский, не обинуясь, признавал его также и гениальным мыслителем. Что касается моего собственного суждения о Белинском, то я был бы благодарен г. С. Ашевскому, если бы он, приведя мои слова, пояснил, в каком смысле они были употреблены мною. Я знал, разумеется, и никогда не забывал, что у Белинского не было ни одного *социологического исследования*. Но по моему твердому убеждению, он, — когда в нем диалектик не умолкал перед просветителем, — ясно сознавал и даже формулировал то, что можно было назвать тогда пролегоменами всякой будущей социологии, которая захочет выступить как наука. В его время таким сознанием мог обладать только гениальный мыслитель, и вот почему я назвал его гениальным социологом. Г. С. Ашевский предоставляет будущему решить вопрос о гениальности Белинского, он только оттеняет, что уже и теперь потомство ценит великого писателя гораздо выше, нежели ценили современники. В каком смысле выше? Не в том ли, что теперь ему приписывают гораздо более «великое» сердце? Но ведь назвать его «великим сердцем» значит обнаружить непонимание его. Что и говорить! Сердце у него было великое. Но в том-то и дело, господа, что у него было не только великое сердце, а также и гениальный ум. И это давно пора понять всем его почитателям.

Почитатели, именующие Белинского великим сердцем, чрезвычайно охотно распространяются на ту тему, что он учил любить добро, истину и многие другие не менее почтенные вещи. Это чувствительно, но до последней степени неопределенно. Не зная Белинского, можно было бы на основании таких похвал подумать, что в его сочинениях нет ничего, кроме назидательных общих мест. А он был заклятым врагом общих мест. И он не только любил истину и добро, но, — что бесконечно важнее, — понимал, в чем заключаются величайшая истина и величайшее добро его исторического периода. До такого понимания доходили лишь весьма немногие из его современников. Огромнейшее большинство тех, которые так горячо любили его и так сильно восхищались им, лишено было даже отдаленного представления об его редком умственном величии. Это в порядке вещей. Но то об-

стоятельство, что его до сих пор предпочитают именовать великим сердцем, показывает, что его поклонники и теперь недалеко ушли в понимании его взглядов. А это уже не совсем в порядке вещей, ибо недаром же говорят немцы: *kommt Zeit, kommt Rath*. Поэтому и выходит, что, когда хвалят Белинского, то чувствуешь себя несколько неловко. Другое дело, когда читаешь нападки на него, хотя бы те, которые в изобилии собраны г. Ашевским. Тут видишь, что люди, нападавшие на нашего великого писателя, не ограничивались любовью к назидательным общим местам, а в состоянии были с точностью определить, в чем заключается нужное им добро, и какова дорогая им истина. Книга г. Ашевского способна породить в читателе ту еретическую мысль, что наши охранители — так как они-то именно и нападали на Белинского, — были в среднем умнее наших друзей прогресса. Ужасно неприятная это мысль!

В ряду приводимых г. Ашевским восторженных, но бессодержательных отзывов о Белинском, как о «великом сердце», приятно поражает чрезвычайно умный отзыв о нем Дудышкина: «Такой способности к отвлеченному мышлению, такой способности к философии мы решительно не признаем ни за кем. В этом отношении ему мог бы отдать честь любой германский философ». (стр. 101). Трудно выразиться точнее!

В конце царствования Николая I имя Белинского нельзя было произносить в печати. С начала нового царствования началась и его «реставрация», для которой больше всего сделал, как известно, Н. Г. Чернышевский своими замечательными «Очерками Гоголевского периода русской литературы». Враги Белинского пришли в раздражение. В январе 1857 г. князь Вяземский писал Шевыреву: «Подайте свой голос против этой реставрации, этого апофеоза памяти Белинского, которому все журналы наши поют ныне акафисты и панихиды, даже и «Русская Беседа» называет его *столь сильным деятелем в нашей литературе*. Да разве *баррикадники*, которые ломают мостовую, разве они деятели? Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах. Разумеется, я никогда не имел терпения дочитывать до конца ни одной из его ужасных длинно-много-

пустословных статей, и никогда после не приходило мне в голову заглядывать в них; но помню и живо храню тогдашнее впечатление. Белинский в свое время всегда казался мне каким-то пьяным Полевым, Полевым, белены объевшимся. В Полевом была по крайней мере русская сметливость. В Белинском ничего не было русского». (82).

Эта филиппика хорошо показывает, какое впечатление производил Белинский на тех из своих современников охранительного образа мыслей, которые понимали смысл западно-европейских революционных движений. Не менее интересен и отзыв Кошелева, который прежде нападал на нашего критика, а потом, прочитав известную книгу Пыпина «В. Г. Белинский—его жизнь и переписка», значительно смягчился. В письме к С. А. Юрьеву, от 8 июля 1877 г., он говорил: «Я никак не воображал, что он даже религиозен; что разрешение вопросов религиозных и нравственных было для него постоянною и жгучею потребностью, и что он был социалистом в хорошем и вовсе не в западном смысле» (стр. 171). Отсюда видно, что, собственно, Белинского Кошелев хуже понял, нежели понимал его кн. Вяземский, но насчет западного социализма у него, как и у всех славянофилов, был правильный взгляд. Они видели в нем борьбу классов и готовы были примириться со всяким «социалистом», чуждавшимся такой борьбы. Таким «социалистом» Кошелев вообразил Белинского и потому примирился с ним. Противники неистового Виссариона способны были ошибаться. Кто же не ошибается. Но даже в своих ошибках они себя показывали очень проницательными людьми. А его добрые друзья из числа тех, которые величали его великим сердцем, но начинали заикаться всякий раз, когда речь заходила об его великом уме, показали себя людьми совсем не проницательными. Вот что обидно, почтеннейшие!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
2. В. Г. Белинский	1
3. В. Г. Белинский (речь)	56
4. Белинский и разумная действительность	93
5. Литературные взгляды В. Г. Белинского	155
6. О Белинском	214
7. Виссарион Белинский и Валериан Майков	279
8. О книге С. Ашевского	324

1941 г.
Р. Л. МС-746

ЛМ 6156

2